

Николай Штейнгель

Русская сталь. Том 2

18+

Николай Штейнгель

Русская сталь. Том 2

<https://litres.ru/74124307>

SelfPub; 2026

Аннотация

Николай Штейнгель

Русская сталь. Том 2

Петроград, Зимний дворец. 3 марта 2056 года, четыре часа утра.

Рюрик Романов, император Всероссийский, самодержец и помазанник Божий, стоял у высокого окна своего кабинета и смотрел на запад. Спать он не мог уже третьи сутки. Глаза слипались, но стоило закрыть их — перед внутренним взором вставали дымящиеся руины, горящие танки, лица погибших солдат, которые он никогда не знал, но за которых отвечал.

Война, которую так долго оттягивали дипломаты, началась.

В час ночи немецкие «Леопарды-3» пересекли границу с Финляндией. Три дивизии — триста пятьдесят танков последнего поколения, с динамической защитой и тепловизорами, способными видеть сквозь дождь и туман — смяли финские заставы за полтора часа. Хельсинки запросил помощи по защищённому каналу, но русские войска не успевали. К рассвету немцы были уже в сорока километрах от Выборга, оставляя за собой выжженную землю и столбы чёрного

дыма.

В три пятнадцать французские «Рафаэли» — новейшие истребители, невидимые для радаров — взлетели с авиабаз в Польше и нанесли ракетный удар по Калининграду. Штаб Балтийского флота был уничтожен за семь минут. Два корвета проекта 20385 затонули прямо у причалов, переломившись пополам. Три склада с боеприпасами взлетели на воздух, и небо над городом полыхало багровым заревом, видимым за сотни километров.

В три сорок пять поляки, венгры и румыны — свежеепечённые союзники Антанты, получившие от Грайндхарта обещания территорий и кредитов — вторглись в Западную Украину и Беларусь. Три армии общей численностью почти миллион человек двинулись на восток, сметая заслоны. В Луцке, Житомире, Ровно — везде, где ещё были русские гарнизоны, завязались кровопролитные бои.

Грайндхарт, старый безумец, доживал свои последние дни в бункере под Брюсселем. Ему было под девяносто, он почти не вставал, не узнавал собственных внуков, пускал слюни на рубашку. Но имя его всё ещё гремело. Наследники — сыновья, зятья, старые генералы, заскорузлые в своей ненависти к России — использовали его как символ, как проклятие, как бренд смерти. Они хотели урвать свои куски русской земли,

пока старик ещё дышал. Они верили, что Россия слаба, что она не оправилась от революции, что её армия — это собрание стариков и детей.

Они ошибались.

— Ваше Величество, — раздался голос Кремня за спиной.

Рюрик обернулся. Генерал Кремень — седой, как лунь, с лицом, изрезанным морщинами и шрамами — стоял на пороге, бледный, с планшетом в дрожащей руке. Он не спал уже сутки, но держался прямо.

— Финляндия разбита, — сказал Кремень. — Немцы идут на Выборг. Финны отступают, неся огромные потери. Маннергейм просит подкреплений, но у нас нет резервов.

— А Беларусь? — спросил Рюрик, чувствуя, как внутри поднимается холодная, липкая тошнота.

— Поляки обходят Минск с севера. Город будет окружён через три дня, если мы не перебросим туда хотя бы две дивизии. Наши гарнизоны держатся, но у них заканчиваются патроны.

— Украина?

— Хуже, — Кремень вздохнул, провёл рукой по лицу. — Венгры и румыны прорвались к Виннице. Местные гарнизоны разбегаются. Киев готовится к обороне, но у них нет ни оружия, ни людей, ни командования.

Рюрик ударил кулаком по подоконнику. Старый дуб жалобно скрипнул. На левой руке, где когда-то висел ремень Филатова, выступила кровь — он содрал кожу о край.

— Сколько у нас людей? — спросил он, не чувствуя боли.

— Регулярная армия — миллион, — ответил Кремень. — Из них половина — новобранцы, не нюхавшие пороха. Резервы — ещё полмиллиона стариков, которые помнят войну с Азией двадцать лет назад.

— А у них?

— Три миллиона. И техника — новейшая. «Леопарды-3», «Леклерки», «Абрамсы». У нас — старьё. Т-90, которые не обновлялись десять лет. БМП советские. Артиллерия — ещё дедовская, с ручным заряданием.

Рюрик повернулся к окну. За Невой, вдали, завывала сирена — первая в этом году. Город просыпался под вой воздушной

тревоги, не понимая, что война уже пришла на его порог.

— Объявить мобилизацию, — сказал Рюрик. — Расширить армию до пяти миллионов. Заводы — в три смены. И позовите Филатова.

— Он уже в пути, — ответил Кремень. — Прибудет через час.

Рюрик кивнул и остался один.

— Федя, — прошептал он, глядя на багровое зарево над Калининградом. — Ты нужен мне как никогда.

Филатов приехал в Зимний на рассвете. Старая «Нива», вся в грязи, с треснутым лобовым стеклом, остановилась у чёрного хода. Он вышел, поправил ремень на левой руке — ремень, который носил тридцать лет, с тех самых пор, как в подвале Линны учил Ростислава не бояться. Часовые вытянулись, отдали честь. Они знали его — легенду, наставника, тень императора.

В коридорах дворца пахло лаком, страхом и бессонницей. Министры, адъютанты, чиновники — все шарахались от него, как от призрака. Кто-то шептал: «Филатов вернулся». Кто-то крестился. Кто-то просто отводил глаза не выдержи-

вал его взгляда.

Кремень ждал у дверей кабинета. Старый генерал — седой, с тростью, с орденом Красной Звезды на кителе — опирался на стену. Нога болела, но он держался прямо.

— Фёдор, — сказал он, пожимая руку. — Ты постарел.

— А ты нет, — усмехнулся Филатов. — Врёшь.

Они обнялись. Два старых волка, переживших революцию, гражданскую войну, мятежи и заговоры. Теперь им предстояло пережить новую войну.

— Как он? — спросил Филатов, кивнув на дверь.

— Плохо. Не спит. Грызёт себя.

— Пусть грызёт. Главное, чтобы не сломался.

Филатов толкнул дверь.

Кабинет императора был погружён в полумрак. Шторы задвинуты, лампы не горят. Только тусклый свет от настольной лампы падал на карту Европы, развёрнутую на столе. Рюрик сидел в кресле, сгорбившись, сжимая в руке пустую чашку. Лицо его было серым, под глазами залегли тени, на щеке за-

сохла царапина — порезался осколком стекла вчера, когда бомбили Петроград.

— Федя, — сказал он, поднимая голову. Голос его был хриплым, надорванным.

— Ты пришёл.

— Пришёл, — ответил Филатов, садясь напротив. — Садись, Князь. Будем говорить.

Рюрик поставил чашку, выпрямился. Филатов посмотрел на него — и увидел не императора, а мальчика, которого когда-то вытащил из окопа. Усталого, испуганного, но не сломленного.

— Федя, я не справлюсь, — сказал Рюрик тихо, так, чтобы никто не слышал. — Я устал. Я не знаю, что делать. Армия разбегается. Парламент требует переговоров. Народ не верит в победу. А я... я просто хочу лечь и не вставать.

— Ты справишься, — ответил Филатов. — Потому что я рядом. И потому что у тебя нет выбора.

Он достал из-за пазухи толстую папку, перевязанную бечёвкой. На обложке было выведено от руки: «Модель сбалансированной монархии (система Филатовых)».

— Что это? — спросил Рюрик.

— Наше спасение, — ответил Филатов. — Читай. Всю ночь. Я подожду.

Он откинулся на спинку стула, сложил руки на груди. Рюрик открыл папку. Часы на стене пробили шесть, потом семь, потом восемь. Филатов сидел, не двигаясь, только иногда подливал себе чай из графина. В кабинете было тихо — только шуршали страницы и где-то далеко, за стенами дворца, гудели первые утренние трамваи.

Проект был огромным. Филатов вложил в него всё, чему научился за пятьдесят лет службы. Разделение власти между императором и парламентом. Независимый род воспитателей — Филатовы — которые готовят наследников и выступают арбитрами в спорах. Жёсткие критерии отбора для всех чиновников — от министра до деревенского старосты. Прозрачность — все этапы конкурсов публикуются в открытом доступе. Отчётность — каждый год император отчитывается перед парламентом. Общественное участие — цифровая платформа для жалоб и предложений. Комиссия по этике, которая рассматривает нарушения. Квалифицированное большинство — 60 процентов — для преодоления вето императора. Фиксированный срок разрешения конфликтов

три недели.

Когда Рюрик закончил, он поднял голову. Глаза его блестяли — не от слёз, от огня.

— Ты предлагаешь ограничить мою власть? — спросил он.

— Я предлагаю сделать её неограниченной через доверие народа, — ответил Филатов. — Если народ будет знать, что ты не можешь творить произвол, он пойдёт за тобой в огонь и воду.

— А Филатовы?

— Мы будем воспитывать наследников. И быть арбитрами. Никакой власти — только авторитет.

— А парламент?

— Парламент будет работать. Но ты сможешь накладывать вето. И распускать его в кризисных ситуациях.

Рюрик откинулся на спинку кресла. За окном занимался рассвет — серый, холодный, но живой.

— Это рискованно, — сказал он.

— Всё рискованно, — ответил Филатов. — Но если мы не изменимся, нас сожрут.

Они проговорили до утра. А на рассвете Рюрик подписал указ о введении новой системы. Россия стала дуалистической монархией — последней надеждой в час волка.

Филатов вышел на балкон. Внизу, на Дворцовой площади, уже собирались люди. Они не знали, что император только что подписал указ, который изменит их жизнь. Они просто стояли и смотрели на запад, где полыхало зарево.

— Война, — прошептал Филатов. — Какая же ты красивая и страшная.

Он повернулся и пошёл вниз — готовить армию.

Май 2056 года. Петроградский военкомат на Литейном проспекте. Здание старое, с колоннами, помнившее ещё императора Павла. Теперь оно гудело, как растревоженный улей.

Очередь из мужчин — от мала до велика — растянулась на квартал. Старики, помнившие ещё войну с Азией двадцать лет назад, стояли рядом с семнадцатилетними парнями, которые только вчера получили паспорта. Женщины

плакали, но не громко — тихо, чтобы не позорить мужчин. Дети держались за юбки матерей и не понимали, почему отцы уходят.

Филатов приехал без предупреждения. Вышел из машины, прошёл вдоль очереди. Смотрел в лица — каждое запоминал. Искал тех, кто не сломается, кто выдержит, кто вернётся.

— Имя? — спросил он у молодого парня с рыжими усами и веснушками на носу.

— Сидоров, — ответил тот, вытянувшись во фрунт.

— Год рождения?

— 2039, товарищ полковник.

Восемнадцать? — Филатов нахмурился. — Тебе бы ещё учиться, парень.

— А кому сейчас учиться, товарищ полковник? — парень усмехнулся, но в глазах его стояла тоска. — Германия уже в Выборге. Не до учёбы.

Филатов кивнул, похлопал его по плечу.

— Держись, сынок. Вернёшься — сам доучишься.

Он зашёл в здание военкомата. Внутри был хаос: столы завалены бумагами, телефоны не умолкают, офицеры бегают с красными глазами, женщины-регистраторши плачут над списками. Где-то ругались, требуя бронь. Где-то рыдали, получив похоронку.

— Докладывай, — сказал Филатов начальнику.

— За две недели призвали двести тысяч, — отрапортовал тот, бледный как полотно. — План — пять миллионов. Но нам не хватает оружия, обмундирования, казарм. Солдаты спят на голых нарах, винтовки — старые, патронов — в обрез.

— Оружие будет. Обмундирование — тоже. Казармы построим. Главное — люди.

Филатов сел за стол и начал звонить. Директорам заводов, главам регионов, министрам. Голос его — хриплый, надтреснутый — звучал как приказ.

— Слушай сюда, — говорил он. — Мобилизация — не игра. Если через месяц у меня не будет пяти миллионов солдат, ты пойдёшь в штрафбат. Понял?

Ему не перечили. Боялись.

К концу мая план был выполнен. Пять миллионов человек — от Владивостока до Калининграда — взяли в руки оружие. Старые танки, пушки, самолёты

снимали с хранения и отправляли на фронт. Заводы работали в три смены, люди не выходили из цехов сутками.

Филатов был везде. Он спал по два-три часа в сутки, ел на ходу, но держался. Рюрик смотрел на него и удивлялся: откуда у старого человека столько сил?

— Ты железный, — сказал император.

— Нет, — ответил Филатов. — Я просто не умею сдаваться.

Смоленск, 12 июня 2056 года. Город, который помнил Наполеона и Гитлера, снова оказался на пути врага. Немецкая группа армий «Центр» — триста танков, тысяча бронетранспортёров, двадцать пять тысяч отборных солдат — нацелилась на него, чтобы, прорвав оборону, открыть себе дорогу на Москву.

Филатов прибыл на передовую на рассвете. Старая «Нива» застряла в грязи в трёх километрах от позиций, и он прошёл остаток пути пешком, по колена в ледяной воде, под редкими разрывами вражеских миномётов. Ремень на левой руке промок и оттягивал запястье, но он не снял его — никогда не снимал.

— Фёдор Александрович! — лейтенант, молодой парень с перевязанной головой и воспалёнными глазами, выскочил из блиндажа, споткнулся о бревно, едва не упал. — Вас ждали. Немцы пошли в атаку.

— Сколько их? — спросил Филатов, хватаясь за край окопа и прыгая вниз. Сапоги утонули в жиже по щиколотку.

— Танков — пятьдесят. Пехоты — тысячи две. Слышите гул?

Филатов прислушался. Далеко, с запада, доносился тяжёлый, нарастающий рокот дизелей. «Леопарды-3» шли волна за волной, и земля под ногами начинала дрожать, как в лихорадке.

— А у нас? — спросил он, беря бинокль.

— Тридцать танков, — лейтенант развёл руками. — Из

них половина — старые Т-72, снятые с хранения. Людей — тысяча. И миномёты. Всё.

— Артиллерия?

— Два дивизиона «Гвоздик». Снарядов — по двадцать на ствол.

Филатов выругался — глухо, сквозь зубы. Поднёс бинокль к глазам. Вдалеке, на поле, затянутом утренним туманом и дымом от вчерашних пожаров, двигались серые силуэты. «Леопарды» шли боевым порядком, прикрываясь дымовой завесой. Сзади, на бронетранспортёрах, — пехота в серо-зелёной форме. Каски с накладками, автоматы на изготовку.

— Держаться, — сказал Филатов. — Не отступать ни шагу.

Он скинул промокшую куртку, остался в одной гимнастёрке. Пошёл вдоль окопов, проверяя готовность.

— Братцы! — кричал он, глядя в бледные, испуганные лица солдат. — Вы слышите меня? Сейчас начнётся. Они прут, как в сорок первом. Но тогда мы отступили до Москвы. А теперь — ни шагу! Потому что за нами — Россия. Ваши жёны, матери, дети. Мы не имеем права проиграть!

Солдаты молчали. Кто-то крестился, кто-то проверял за-
твор, кто-то просто смотрел в землю. Страх был в каждом
глазу, но никто не побежал.

Филатов вернулся в свой окоп, встал за пулемёт «Корд»
— старый, но надёжный, с лентой на полсотни патронов. По-
ложил пальцы на спуск. — Первая линия — огонь по моей
команде, — сказал он в рацию. — Вторая — ждать.

Немцы подходили. «Леопарды» уже были в трёх километ-
рах. Их орудия били на ходу, поднимая фонтаны земли и ды-
ма. Русские танки — Т-72, закопанные по башню в землю
— открыли ответный огонь. Старые снаряды рикошетили от
лобовой брони «Леопардов», не пробивая её.

— Товарищ полковник, наши горят! — закричал кто-то.

— Не отвлекайся, — рявкнул Филатов. — Жди пехоту.

Немецкая пехота высадилась из бронетранспортёров в ки-
лометре от окопов и пошла в атаку. Цепи, редкие, но уверен-
ные. Солдаты перебежали от воронки к воронке, пригибаясь.
Офицеры с пистолетами подгоняли их сзади.

— Огонь! — скомандовал Филатов.

Пулемёты застрочили. «Корд» в руках Филатова заговорил тяжёлым, басовитым голосом, выплёвывая пули калибра 12.7. Первая очередь скосила пятерых. Вторая — ещё троих. Немцы залегли, но не отступили — их офицеры были жестоки и требовали любой ценой взять высоту.

— Гранаты! — крикнул кто-то.

— Не спеши, — ответил Филатов, не прекращая стрельбы. — Пусть подойдут ближе.

Немцы поднялись снова. Теперь они были в пятистах метрах. Филатов видел их лица — молодые, испуганные, обречённые. Он знал, что среди них есть те, кто не хотел воевать. Но он знал и другое: если он пожалеет их, они убьют его солдат.

— Огонь из всех стволов! — заорал он.

Миномёты ударили. «Гвоздики» — старые самоходки — разрядили последние снаряды. Русские танки, те, что ещё не горели, дали залп картечью. Немецкая атака захлебнулась. Оставшиеся в живых откатились, оставив на поле сотни трупов.

Филатов вытер лицо рукавом. Кровь — не его, чужая — смешалась с грязью и пороховой гарью.

— Докладывайте потери, — сказал он в рацию.

— Десять танков. Триста человек убитыми. Раненых — двести.

— А у них?

— Сорок танков. Пехота — почти вся.

Филатов кивнул. Это была Пиррова победа, но победа. Позиции удержали.

Вечером, когда стрельба стихла, Филатов сидел у костра, перевязывал порезанную руку — осколок от мины царапнул. К нему подошёл лейтенант — тот самый, молодой, с перевязанной головой.

— Фёдор Александрович, — сказал он, — можно вопрос?

— Валяй.

— Почему вы здесь? Вы же нужнее в тылу. Вы — голова, а мы — руки.

Филатов посмотрел на него. В глазах лейтенанта была не лезть, а искреннее недоумение.

— Потому что голова без рук — не голова, — ответил он.
— А руки без головы — просто мясо. Я должен знать, чем вы дышите, что видите, что чувствуете. Иначе мои приказы будут убивать вас попусту.

Лейтенант помолчал, потом кивнул.

— Спасибо, — сказал он.

— Не благодари. Лучше живи.

Филатов затянул бинт зубами, встал.

— Завтра снова атака. Готовьте людей.

Он ушёл в ночь, проверять посты. Лейтенант смотрел ему вслед и думал: откуда в этом старом человеке столько силы? И понимал — оттуда, откуда и у всей России. Из глубин души, которая не умеет сдаваться.

Ночь на 13 июня 2056 года опустилась на Смоленщину черной, как смоль, завесой. Дождь перестал, но ветер всё ещё

гнал по полю ключья тумана, смешанного с пороховой гарью. В блиндаже, наскоро отрытом в склоне высоты 204,7, горела единственная керосиновая лампа. Её жёлтый, дрожащий свет выхватывал из темноты низкие бревенчатые своды, грубо сколоченные нары и лица людей — усталые, заросшие щетиной, с красными от бессонницы глазами.

Филатов сидел во главе стола, положив руки на карту, расстеленную на ящике из-под снарядов. Ремень на левой руке был мокрым и тёмным от воды и крови — своей и чужой. Он снял его, положил рядом. Жест был символическим: «Я здесь не для того, чтобы бить. Я здесь, чтобы слушать».

За столом сидели командиры полков. Все — люди бывалые, прошедшие через мятежи и зачистки, через Сибирь и Кавказ. Но сейчас их лица были серыми.

Война с равным противником, с хорошо вооружённой, обученной и озлобленной Европой оказалась страшнее, чем они ожидали.

— Докладывай, — сказал Филатов, кивнув на полковника, командовавшего правым флангом. Тот, грузный мужчина с седыми усами, тяжело поднялся, опираясь на край стола.

— За день потеряли триста человек, Фёдор Александрович. Танков — десять. Немцы прощупывают оборону на стыке между третьим и пятым полками. Там у нас зияет дыра

в полкилометра. Если они завтра пойдут в прорыв, мы не удержим.

— Почему зияет? — спросил Филатов, и голос его стал жёстче.

— Восемьдесят человек, что держали тот участок, полегли ещё вчера. Подкрепление не подошло.

— А где подкрепление? — Филатов повернулся к начальнику штаба, молодому подполковнику с орденом Мужества на кителе.

— Дороги разбиты, — ответил тот, избегая взгляда. — Грязь. Техника вязнет. Люди идут пешком, но они не успеют к рассвету.

Филатов молчал. В блиндаже было тихо — только ветер выл над головой, да где-то далеко ухали орудия. Он провёл пальцем по карте, отмечая слабые места. Потом поднял голову.

— Завтра я пойду на левый фланг. Возьму с собой роту резерва — сто человек. Залатаем дыру.

— Фёдор Александрович, вам нельзя, — возразил под-

полковник. — Вы — полковник. Вы должны командовать.

— Я должен побеждать, — ответил Филатов. — А командовать можно и из окопа.

Он встал. Все поднялись следом.

— Всем спать. Завтра подъём в четыре. У кого нет патронов — доложить. У кого нет воды — тоже. Пленных немцев не пытаться, но допрашивать жёстко. Нам нужны сведения об их планах.

Он взял ремень, намотал на руку и вышел в ночь.

В пяти километрах от передовой, в деревне Кленово, ещё оставались мирные жители. Несколько десятков стариков, женщин и детей, которые не успели или не захотели уходить. Немцы были уже в двадцати километрах — танки с чёрными крестами могли появиться здесь в любой момент.

Филатов приехал на рассвете. Деревня спала — тихо, настороженно, как зверь перед смертью. Он постучал в крайнюю избу. Дверь открыла старуха в чёрном платке, с лицом, изрезанным морщинами.

— Здравствуй, мать, — сказал Филатов. — Уходить надо.

Немцы близко.

— А куда нам уходить, сынок? — ответила старуха. —
Везде война. А здесь мы родились, здесь и умрём.

— Не умрёте. Я пришлю машины. Забирайте самое нужное.

— А скот? А дом? А огород?

— Скот угонят немцы. Дом сожгут. Огород вытопчут.
Уходите, мать. Пока есть время.

Старуха заплакала — тихо, по-старушечьи, вытирая слёзы
концом платка. Потом перекрестилась.

— Дай тебе Бог здоровья, сынок. И победы.

Филатов прошёл по всей деревне. В каждой избе — одно
и то же: страх, нежелание верить, надежда на чудо. Он уговаривал,
объяснял, иногда приказывал. К полудню на околице
собрались люди — человек сорок. Старухи с узлами, бабы с
детьми, несколько мужиков, слишком старых для армии.

— Садитесь в кузов, — сказал Филатов, показывая на два
грузовика, которые он отбил у интендантов. — Поедете в

Смоленск. Там вас посадят на поезд.

— А ты, сынок? — спросила та самая старуха.

— А я останусь. Мне здесь нужно.

— Тогда вот, возьми, — она протянула ему краюху хлеба, завёрнутую в чистое полотенце. — Последняя. Я испекла вчера.

Филатов взял хлеб. Руки его дрожали — не от страха, от того, что в этом простом жесте было больше человечности, чем во всех речах европейских политиков.

— Спасибо, мать, — сказал он. — Я его съем после победы.

Она перекрестила его.

— С Богом.

Машины ушли, поднимая клубы грязи. Филатов остался один среди пустых изб. Ветер хлопал ставнями, где-то кричала не улетевшая птица. Он отломил кусочек хлеба, положил в рот. Чёрствый, кисловатый — и слаще любого деликатеса.

— Победа, — прошептал он. — Будет победа.

И пошёл обратно на позиции.

Атака началась в пять утра. Немцы ударили на стыке полков — именно там, где ожидал Филатов. Артиллерия молотила два часа, перепахивая окопы, поднимая фонтаны земли и дыма. Потом пошли танки — тридцать «Леопардов», а за ними пехота.

— Всем стоять! — крикнул Филатов в рацию. — Не стрелять до команды!

Он лежал в окопе, сжимая в руке гранату. Рядом — его резерв: сто человек, молодых, необстрелянных, но с горящими глазами.

— Братцы, — сказал он, глядя в их лица. — Сейчас они пойдут. Не бойтесь. Помните: вы не одни. Я с вами. Россия с вами. За нами — Москва, Петроград, наши семьи. Отступить некуда.

Танки подошли на километр. Их пушки били по окопам, выкашивая защитников. Потом — на пятьсот метров. Филатов ждал. На триста. На двести.

— Огонь! — заорал он.

Русские гранатомёты ударили с флангов. РПГ-32, старые, но надёжные, пробивали броню «Леопардов» в борт. Первый танк вспыхнул. Второй дёрнулся, замер, из люка повалил дым. Третий развернулся, пытаясь уйти, но попал под огонь с другой стороны.

— Молодцы! — кричал Филатов, сам стреляя из автомата по немецкой пехоте, которая залегла. — Не давайте им подняться!

Немцы попытались контратаковать. Их офицеры, высокие, в чёрных мундирах, бежали впереди, стреляя из пистолетов. Филатов снял одного — пуля вошла в голову. Второго — в грудь. Третьего — в живот.

— Держись! — заорал он, когда справа от него упал солдат с перерезанным осколком горлом.

Бой длился четыре часа. Когда всё кончилось, Филатов сидел на бруствере окопа, тяжело дыша. Гимнастёрка была изорвана, лицо в крови — не своей, чужой. Ремень на левой руке — чёрный от пороха.

— Потери? — спросил он у подбежавшего подполковника.

— Сорок человек убитыми, шестьдесят ранеными. Но мы удержали.

— А у немцев?

— Двадцать танков, пятьсот человек.

Филатов кивнул. Победа, но снова Пиррова.

— Похоронить убитых. Раненых — в госпиталь. Немецких пленных — в штаб. Допросить. Нам нужно знать, где они ударят в следующий раз.

Он встал, опираясь на автомат. Ноги дрожали — не от страха, от усталости.

— Всё, — сказал он. — Я в штаб. Держите оборону.

Он ушёл, шатаясь, но не падая. Солдаты смотрели ему вслед и крестились. Не от страха — от благоговения.

Бой стих только к вечеру. Солнце клонилось к горизонту, окрашивая небо в багровые тона — такие же, как пятна кро-

ви на поле, усеянном воронками, обломками танков и телами. Филатов сидел на бруствере окопа, глядя на это поле, и не мог отвести взгляд. Ремень на левой руке оттягивал запястье, напоминая о том, что он жив. Пока жив.

Рядом, опираясь на винтовку, стоял молодой солдат — тот самый Сидоров, рыжий парень из очереди в военкомате. Гимнастёрка на нём была разорвана, на щеке — царапина от осколка. Но он держался прямо, и глаза его уже не блестели страхом — только усталостью и той особой тишиной, которая приходит к человеку после первого боя.

— Фёдор Александрович, — сказал он, — а вы верите, что мы победим?

— Верю, — ответил Филатов, не глядя на него. — Потому что если не верить, то зачем всё это?

Он кивнул в сторону поля, где санитары собирали убитых. Их было много — русских и немцев вперемешку. Лежали в грязи, обнявшись, как братья. Война уравнивала всех.

— А немцы? Они тоже верят? — спросил Сидоров.

— Они верят в свою правду. А мы — в свою. Посмотрим, чья правда сильнее.

Филатов встал, отряхнул гимнастёрку. Ноги затекли, спина ныла — старая рана давала о себе знать. Но он не показывал боли. Не имел права.

— Идём, — сказал он. — Поможем раненым.

Они спустились в овраг, где развернули полевой госпиталь. Санитары, молодые девушки в косынках с красными крестами, перевязывали раненых. Кто-то стонал, кто-то молился, кто-то молча смотрел в небо. Врач, пожилой еврей с седой бородой, ампутировал солдату ногу — без наркоза, под водку.

— Держи, брат, — сказал он, когда солдат закричал.

— Держу, — прохрипел тот, сжимая зубами ремень.

Филатов подошёл к врачу.

— Сколько раненых?

— Сотня. Может, больше. И каждый час — новые.

— Лекарства есть?

— Заканчиваются. Нужны антибиотики, морфий, бинты.

— Бинты будут. Антибиотики — тоже. Держитесь.

Врач кивнул и вернулся к работе. Филатов пошёл дальше. В углу, на подстилке из соломы, лежал молодой лейтенант — тот самый, с перевязанной головой. Его лицо было белым, как мел, и глаза смотрели в потолок.

— Доктор, — сказал Филатов, — что с ним?

— Контузия. И осколок в позвоночнике. Я не могу его достать — умрёт на столе.

— А если не трогать?

— Тогда он не встанет. Но будет жить.

Филатов подошёл к лейтенанту, сел на корточки.

— Слышишь меня, сынок?

— Слышу, — прошептал лейтенант. — Я не слышу ничего, кроме вашего голоса. Глухой стал.

— Война кончится — услышишь. А пока — лежи. Мы

тебя вытащим.

— Не вытасщите, — лейтенант усмехнулся. — Я знаю.

— Не говори глупостей, — резко сказал Филатов. — Ты нужен России. Императору. Мне.

Он встал, повернулся к врачу.

— Делайте операцию. Я даю вам час. Если он умрёт — я вас не виню. Если выживет — представлю к награде.

Врач кивнул, взял скальпель.

Филатов вышел из госпиталя. Ночь опустилась на поле, чёрная, беззвёздная. Где-то далеко ухали орудия — немцы обстреливали тылы. Он достал флягу, отхлебнул спирта. Горло обожгло, но тепло разлилось по груди, прогоняя холод.

— Завтра новый бой, — сказал он сам себе. — А сегодня — похороны.

Он пошёл к братской могиле, которую рыли солдаты. Восемьдесят человек — те, кого не успели похоронить вчера. Лежали в ряд, завернутые в плащпалатки. Кто-то с закрыты-

ми глазами, кто-то с открытыми — смотрели в небо, которого уже не увидят.

— Копайте глубже, — сказал Филатов. — Чтобы волки не вырыли.

— А немцев? — спросил кто-то.

— Немцев — отдельно. Они тоже люди.

Солдаты переглянулись, но спорить не стали. Филатов снял фуражку, достал из кармана маленькую иконку — Николая Угодника, подаренную отцом Никодимом.

— Господи, — сказал он, — прими души усопших рабов Твоих. Прости им грехи вольные и невольные. И даруй нам победу.

Он перекрестился. За ним — все, кто был рядом.

— Вечная память, — сказал он.

— Вечная память, — ответили солдаты.

Земля полетела в могилу. Филатов стоял, не двигаясь, пока не закопали последнего. Потом надел фуражку и пошёл в

штаб — готовить новый план.

После трёх дней тяжелых оборонительных боев наступило затишье. Оно было обманчивым, как спокойная гладь реки, под которой скрывается водоворот. Немцы перегруппировывались, подтягивали резервы, зализывали раны. Русские тоже не сидели сложа руки — окопы углубляли, минные поля пополняли, снаряды подвозили по разбитым дорогам.

Филатов не спал уже вторые сутки. Он сидел в штабном блиндаже, склонившись над картой, и слушал доклады разведчиков. Запах сырой земли, махорки и пороховой гари смешивался в один тяжёлый, удушливый коктейль. Ремень на левой руке он не снимал — привычка, ставшая второй натурой.

— Фёдор Александрович, — разведчик, молодой лейтенант с умными, цепкими глазами, разложил на столе свежие аэрофотоснимки. — Немцы подтягивают «Красавицы». Новые танки, с мощной бронёй. Наши Т-72 их не берут в лоб.

— А с фланга?

— С фланга — да. Но они идут в колоннах, прикрывая друг друга.

Филатов провёл пальцем по снимку, отмечая слабые места.

— А что наша артиллерия?

— «Гвоздики» бьют, но снарядов мало. На каждое орудие — по двадцать. А у немцев — самоходки, которые стреляют на десять километров.

— У них есть техника, у нас есть голова, — сказал Филатов. — Готовьте засаду. На флангах. Возьмите гранатомёты, «Корнеты», всё, что может пробить их броню сбоку.

— А если они пойдут в обход?

— Тогда мы их встретим. Лес у нас, болота — их. Танки там увязнут. А пехота — наша.

Он встал, прошёлся по блиндажу. Пол был земляным, влажным. Ноги утопали в грязи, но он не замечал.

— Сколько у нас людей?

— Тысяча двести. Из них триста — раненные, но лёгкие.

— А у них?

— Две тысячи. И пятьдесят танков.

— Соотношение не в нашу пользу, — Филатов остановился у карты. — Но мы держимся не числом, а умением.

Он повернулся к адъютанту:

— Передайте в штаб фронта: нужны подкрепления. И «Тени». Мы не выдержим без них.

— «Тени» ещё не готовы, — ответил адъютант. — Заводы только запускают серию.

— Тогда скажите, что готовить надо быстрее. Иначе некого будет вооружать.

Он сел за стол, взял карандаш, начал писать. Бумага была шершавой, карандаш ломался, но он не останавливался. Он писал приказ о перегруппировке, о минировании дорог, об эвакуации раненых.

В блиндаж вошёл Кремень — старый генерал приехал на фронт, не выдержал сидения в тылу. Лицо его было серым, трость дрожала, но глаза горели.

— Фёдор, — сказал он, садясь на лавку. — Немцы про-
рвались на левом фланге. Два батальона окружены.

— Знаю, — ответил Филатов, не поднимая головы. — Я
послал туда роту.

— Этого мало.

— А больше нет.

Кремень помолчал. Потом сказал:

— Рюрик просил передать: он верит в тебя.

— Передай: спасибо, — Филатов отложил карандаш, под-
нял глаза. — Но пусть лучше пришлёт танки.

— Пришлёт. Я обещал.

Филатов усмехнулся — горько, надрывно.

— Ты обещал? А кто будет отвечать, если не пришлёт?

— Я. — Кремень стукнул тростью об пол. — Как всегда.

Они посмотрели друг на друга. Два старых волка, два дру-
га, два солдата.

— Ладно, — сказал Филатов. — Держимся.

День 16 июня 2056 года выдался на удивление тихим. Даже артиллерия замолчала — обе стороны сэкономили снаряды. Над полем боя, ещё недавно сотрясавшимся от взрывов, повисла звенящая, неестественная тишина. Солдаты, измотанные до предела, пользовались передышкой, чтобы почистить оружие, поспать, написать письма домой.

Филатов бродил по окопам, заложив руки за спину. Ремень на левой руке он не снимал — даже сейчас, в затишье. Он заглядывал в лица солдат, запоминал их. Это был его способ прощаться — с каждым, кто мог не вернуться.

— Отдыхайте, братцы, — говорил он. — Завтра будет жарко.

— Фёдор Александрович, — окликнул его Сидоров — рыжий парень из военкомата, который выжил в первом бою и уже успел стать своим. — А правда, что немцы боятся нас?

— Не боятся, — ответил Филатов, останавливаясь. — Они нас ненавидят. Это хуже.

— А мы их?

— Мы их не ненавидим. Мы их жалеем. Потому что они не знают, за что воюют. А мы знаем.

Сидоров задумался, почесал затылок.

— А за что мы воюем?

— За то, чтобы вы, ваши дети и внуки могли жить в мире. Чтобы Европа не превратилась в лагерь смерти. Чтобы Россия осталась Россией — сильной, справедливой, доброй.

Солдаты слушали. Кто-то кивал, кто-то смотрел в землю, кто-то крестился. Филатов говорил негромко, но каждое слово падало в тишину, как камень в колодец.

— Мы не завоеватели, — продолжал он. — Мы освободители. Европа — наша сестра. Она заболела. Её поработили лжецы и убийцы. Мы вылечим её. А потом уйдём. Но оставим память — о том, что русский солдат не трогает гражданских, не грабит, не насилует. Он защищает.

Он помолчал, глядя на запад, где в дымке угадывались немецкие позиции.

— В нас живёт дух наших предков. Суворова, Кутузова,

Рюрика. Они не воевали за землю. Они воевали за правду. И мы будем воевать за правду.

Он повернулся и пошёл дальше. Солдаты смотрели ему вслед. Кто-то сказал:

— Святой, право. Святой.

— Не святой, — ответил другой. — Но близко.

Ночь на 17 июня. Блиндаж штаба был набит битком. Командиры полков, начальники разведки, артиллеристы — все ждали Филатова. Он вошёл, снял фуражку, положил на стол.

— Докладывайте, — сказал он.

Первым выступил начальник разведки — майор с хитрыми, лисьими глазами.

— Немцы готовят наступление на рассвете. Ударная группа — тридцать танков, две тысячи пехоты. Цель — прорвать наш центр и выйти к Смоленску.

— Откуда данные?

— Агентура. Пленные. И радиоперехват.

— Надёжно?

— Надёжно.

Филатов кивнул. Он подошёл к карте, провёл пальцем по линии фронта.

— Центр у нас держит полковник Громов. У него пятьсот человек, десять танков. Если немцы прорвутся, они отрежут правый фланг от левого.

— Что делать? — спросил Громов, плотный мужчина с бычьей шеей.

— Отходить? — предложил кто-то.

— Нет, — твёрдо сказал Филатов. — Контратаковать.

— С чем? У нас нет резервов.

— Есть. Резерв — это мы.

Он обвёл взглядом присутствующих.

— Завтра я пойду на правый фланг. Возьму с собой роту.

Вы, Громов, держите центр. Кремень, ты на левом.

— А вы, Фёдор Александрович, зачем? — спросил Громов. — Вы нужнее здесь.

— Здесь? — Филатов усмехнулся. — Здесь карта. А там — жизнь. Я должен быть там, где решается судьба.

Он взял со стола планшет, набросал схему контратаки.

— Немцы пойдут в лоб. Мы пропустим их танки, ударим с флангов. «Корнетами», гранатами, «Кордами». Пехоту — косить из пулемётов. Они не выдержат.

— А если выдержат?

— Тогда будем отходить. Но не дальше Смоленска. За ним — Москва. Мы не имеем права.

Он помолчал, давая словам осесть.

— Всем спать. Подъём в три. Выступаем в четыре.

Командиры разошлись. Филатов остался один. Он снял ремень, положил на стол. Потертая кожа, бляха с гербом кадетского корпуса — всё, что осталось от той, другой жизни.

— Господи, — прошептал он. — Если Ты есть, помоги нам. Не мне — солдатам. Дай им силы.

Он перекрестился — впервые за много лет. Потом надел ремень, намотал на левую руку и вышел в ночь.

Вдали, на западе, небо подсвечивалось заревом — немцы жгли склады. Филатов посмотрел на звёзды. Они были яркими, холодными, далёкими.

— Скоро, — сказал он. — Скоро всё кончится.

Он не знал — чем. Но знал, что будет драться до последнего.

17 июня 2056 года, три часа утра. Серый, промозглый рассвет выползал изза леса, как больной зверь из берлоги. Филатов не спал. Он сидел на бруствере окопа, свесив ноги в грязь, и смотрел на запад. Там, в предрассветной дымке, угадывались силуэты немецких танков. «Леопарды» стояли в боевых порядках, готовые к рывку. Их длинные стволы были направлены на русские позиции.

— Закурить бы, — сказал кто-то рядом.

— Нельзя, — ответил Филатов. — Немцы увидят.

— А вы, Фёдор Александрович, никогда не курили?

— Нет. Боялся, что руки дрожать будут.

Солдат усмехнулся, но тихо — чтобы не нарушить тишины. Тишина была священной. Она давала время подумать, помолиться, попроситься.

Филатов спустился в окоп. Прошёл по позициям, проверяя готовность. Солдаты сидели у стенок, прижав к груди винтовки. Кто-то дремал, кто-то писал письма, кто-то просто смотрел в одну точку — там, где начиналась жизнь и кончалась смерть.

— Братцы, — сказал Филатов, — сейчас начнётся. Немцы пойдут в третий раз. Мы отбили два. Отобьём и третий. Потому что мы — русские. А русские не сдаются.

Он не кричал. Говорил тихо, но каждое слово падало в сердце, как капля воды на раскалённый камень.

— Помните: за нами Смоленск. За Смоленском — Москва. За Москвой — Россия. А Россия — это мы. Наши жёны, матери, дети. Они там, в тылу, молятся за нас. Не подведём их.

Солдаты молчали. Потом кто-то сказал:

— Не подведём, Фёдор Александрович.

— Не подведём, — повторили другие.

Филатов кивнул и вернулся на свой пост.

В четыре тридцать немецкая артиллерия открыла огонь. Снаряды рвались на позициях, поднимая фонтаны земли и дыма. Взрывы слились в один сплошной гул, от которого закладывало уши и тряслась земля. Филатов пригнулся, прижался спиной к стенке окопа. Осколки свистели над головой, выбивая щепки из брёвен.

— Лежать! — закричал он. — Не высовываться!

Обстрел длился сорок минут. Когда он стих, Филатов поднял голову. В ушах звенело, в глазах двоилось, но он заставил себя встать.

— К бою! — скомандовал он.

Немецкие танки пошли в атаку. Тридцать «Леопардов», за ними — пехота на бронетранспортёрах. Они шли медленно, переваливаясь с боку на бок, стреляя на ходу. Их снаряды

рвались в окопах, поднимая фонтаны земли.

— Гранатомётчики! — крикнул Филатов. — Бить по передним!

«Корнеты» ударили с флангов. Один немецкий танк вспыхнул, второй дёрнулся, замер, из люка повалил дым. Третий развернулся, пытаясь уйти, но попал под огонь с другой стороны.

— Молодцы! — заорал Филатов. — Не давайте им подняться!

Немецкая пехота высадилась из бронетранспортёров и залегла. Пулемёты русских косили их, не давая поднять головы. Но офицеры подгоняли солдат, и они снова поднимались в атаку.

Филатов взял автомат, встал за бруствер.

— За Россию! — закричал он, стреляя длинными очередями.

Солдаты подхватили крик. Окопа выплеснулась волна — русские пошли в контратаку. Филатов бежал впереди, стреляя на ходу. Немцы дрогнули, начали отступать.

— Не останавливаться! — орал он. — Гнать их!

Контратака захлебнулась только через час. Немцы откатились на исходные позиции, оставив на поле десять сгоревших танков и сотни трупов. Русские потери были тоже велики — двести человек убитыми, триста ранеными.

Филатов вернулся в окоп, тяжело дыша. Гимнастёрка была разорвана, лицо в копоти и крови. Он сел на ящик из-под снарядов, закрыл глаза.

— Воды, — попросил он.

Ему подали флягу. Он отхлебнул, сполоснул рот.

— Докладывайте потери, — сказал он, не открывая глаз.

Ему доложили. Он кивнул.

— Держимся. Завтра будет новый бой.

К вечеру разведка привела пленного немца — молодого парня лет двадцати, бледного, с трясущимися руками. Его взяли в лесу, когда он пытался пробраться к своим. На нём была форма танкиста, чёрная, с нашивками. Глаза его бега-

ли, губы шептали что-то на своём языке.

— Что делать с ним, Фёдор Александрович? — спросил конвоир.

— Отведите в штаб, — сказал Филатов. — Допросите. Но не пытаться.

— А если не заговорит?

— Заговорит. Он не фанатик. Он просто солдат.

Пленного привели в блиндаж. Филатов сидел за столом, перед ним лежала карта. Он поднял глаза, посмотрел на немца.

— Имя?

— Фридрих, — ответил тот на ломаном русском. — Фридрих Вебер.

— Звание?

— Обер-ефрейтор.

— Что ты делал в лесу?

— Заблудился. Отстал от своих.

Филатов усмехнулся. Он знал — в лесу немцы искали проход к русским позициям. Но пытаться не стал.

— Есть хочешь? — спросил он.
Немец удивлённо поднял голову.

— Да, — сказал он.

Филатов кивнул конвоиру.

— Дай ему хлеба и воды.

Конвоир нехотя достал из вещмешка сухарь, протянул немцу. Тот схватил, начал жадно жевать, давясь.

— Тихо, — сказал Филатов. — Не торопись. Подавишься.

— Зачем вы мне помогаете? — спросил немец, проглотив хлеб.

— Потому что ты человек, — ответил Филатов. — А мы воюем не с людьми. Мы воюем с теми, кто послал вас сюда.

Немец опустил голову.

— Я не хотел воевать, — сказал он. — Меня призвали.

— Теперь поздно. Но ты можешь помочь нам. Расскажи, что знаешь о планах вашего командования.

— Я не предатель.

— Ты не предатель, — согласился Филатов. — Ты солдат, который попал в плен. Ты имеешь право молчать. Но если заговоришь, сохранишь жизни моим солдатам. А они — такие же, как ты. У них есть жёны, дети, матери.

Немец молчал долго. Потом заговорил. Он рассказал о расположении немецких частей, о плане наступления, о слабых местах. Филатов слушал, запоминал, не записывая.

— Спасибо, — сказал он, когда немец закончил. — Ты поступил правильно.

— Что со мной будет? — спросил немец.

— Отправим в тыл. В лагерь для военнопленных. Будешь работать, ждать конца войны.

— А вы не убьёте меня?

— Нет. Мы не убиваем безоружных.

Филатов кивнул конвоиру. Тот вывел немца из блиндажа.

— Фёдор Александрович, — сказал конвоир, вернувшись. — А правильно ли мы делаем? Кормим их, поим, а они наших убивают.

— Правильно, — ответил Филатов. — Потому что если мы опустимся до их уровня, мы перестанем быть русскими. А русские всегда были милосердны. Даже к врагам.

Он помолчал, глядя на карту.

— Передайте разведке: немцы ударят на рассвете. Готовьте засаду.

Ночь на 18 июня. Группа разведчиков — десять человек — готовилась к вылазке. Их задача: взять «языка», узнать точное расположение немецких батарей. Филатов сам инструктировал их.

— Идите тихо, — сказал он. — Не стреляйте без крайней нужды. Если кто-то попадётся — берите живым. Если не мо-

жете взять — уходите. Свои жизни берегите.

— А как же приказ? — спросил старший группы, старый сержант с нашивками за ранения.

— Приказ — не догма. Живые разведчики нужнее мёртвых героев.

Сержант кивнул. Они ушли в ночь.

Филатов ждал. Часы тянулись медленно, как смола. Он сидел в блиндаже, слушал радио, пил остывший чай. В голове крутились мысли: получится ли? Не попадут ли в засаду? Не предаст ли кто?

В три часа ночи разведчики вернулись. Они привели пленного — немецкого офицера, высокого, блондина, с надменным лицом.

— Фёдор Александрович, — доложил сержант, — задание выполнено. Один раненый. Пленный при допросе рассказал о расположении батарей.

— Молодцы, — сказал Филатов. — Раненого — в госпиталь. Пленного — ко мне.

Он допросил офицера сам. Тот был упрямым, не хотел говорить, но Филатов не применял силу. Он просто ждал. Молчание было страшнее криков.

— Вы не человек, — сказал наконец офицер. — Вы дьявол.

— Нет, — ответил Филатов. — Я просто русский. И я хочу, чтобы эта война кончилась. Помогите мне — и ты вернёшься домой живым.

Офицер сломался. Он рассказал всё — о расположении батарей, о резервах, о планах командования.

— Спасибо, — сказал Филатов. — Отведите его в тыл.

Он сел за стол, начал писать приказ об артиллерийском ударе. Теперь русские знали, где бить. У них был шанс.

19 июня, пять утра. Русские артиллеристы заняли позиции. «Гвоздики» и «Мста-С» навели стволы на немецкие батареи. Филатов лично проверил координаты.

— Огонь! — скомандовал он.

Первые снаряды легли точно. Немецкие батареи взлетели

на воздух. Вражеская артиллерия замолчала. Немцы замечались, не понимая, откуда удар.

— Ещё! — крикнул Филатов.

Второй залп — по складам с боеприпасами. Взрыв был такой силы, что земля задрожала. В небо поднялся гриб чёрного дыма.

— Третий залп! — по позициям пехоты.

Немецкие окопы превратились в братские могилы.

Филатов смотрел в бинокль. Он видел, как немцы бегут, бросая оружие. Но он не радовался. Он знал — это только эпизод. Война не кончится от одного удара.

— Прекратить огонь, — сказал он. — Берегите снаряды.

Артиллерия замолчала. На поле воцарилась тишина — тяжёлая, гулкая. Где-то стонали раненые. Где-то кричали санитары.

— Фёдор Александрович, — подошёл адъютант. — Поздравляю. Успех.

— Не поздравляй, — ответил Филатов. — Ещё не вечер.

Он спустился в окопы. Солдаты улыбались, хлопали друг друга по плечам.

— Мы их накостыляли! — кричал кто-то.

— Не расслабляйтесь, — сказал Филатов. — Они придут снова.

— Пусть приходят, — ответил Сидоров, рыжий парень. — Мы готовы.

Филатов кивнул. В его глазах была усталость, но надежда ещё теплилась.

На следующий день разведка доложила: в деревне за лесом немцы бросили пленных — русских солдат. Их было тридцать человек, без еды, без воды, без надежды. Филатов приказал отправить к ним роту.

— Освободить, накормить, перевязать.

Рота ушла на рассвете. К обеду они вернулись с освобождёнными. Солдаты были истощены, некоторые еле шли. Среди них оказался и мальчик лет четырнадцати — сын полка, который попал в плен вместе с отцом. Отец погиб.

Филатов подошёл к мальчику.

— Как зовут? — спросил он.

— Серёжа, — ответил тот, глядя в землю.

— Серёжа, ты будешь жить. Мы тебя накормим, оденем, отправим в тыл.

— Не надо в тыл, — сказал мальчик. — Хочу воевать.

— Рано тебе воевать. Иди, учись.

— А вы кто?

— Я — солдат. Как и ты.

Мальчик поднял голову. В его глазах блеснула искра.

— Я тоже буду солдатом. Как вы.

— Будет, — сказал Филатов. — Но сначала вырасти.

Он отдал приказ накормить освобождённых. Солдаты делились последним. Ктото отдал сухарь, кто-то — кусок са-

хара. Немецкие пленные, увидев это, удивлённо переглядывались.

— Почему вы помогаете им? — спросил один из них.

— Потому что они наши, — ответил Филатов. — А своих не бросают.

Немец опустил голову. Он не понимал этой логики. В его армии брошенных не кормили. Их расстреливали.

25 июня. В расположение русских войск прибыло подкрепление — две тысячи человек, десять танков Т-90М, три батареи «Градов». Филатов встретил их на марше.

— Здравствуйте, братцы! — крикнул он.

— Здравия желаем! — ответили солдаты.

Они были молодыми, необстрелянными, но глаза их горели. Филатов прошёлся вдоль строя, заглядывая в лица.

— Знаю, вам страшно, — сказал он. — Но вы должны знать: за вами — Россия. Вы — её щит. Вы — её меч. Не подведите.

Солдаты молчали. Потом кто-то крикнул:

— Не подведём!

— Не подведём! — подхватили другие.

Филатов кивнул. Он распределил подкрепление по позициям.

К вечеру пришли новости: немцы перегруппировываются, готовят новое наступление. Но теперь русские были готовы.

— Фёдор Александрович, — сказал Кремень, — у нас есть шанс.

— Есть, — ответил Филатов. — Мы не дадим им пройти.

Ночь. Костры. Солдаты сидели вокруг огня, грели руки, пили чай. Филатов подошёл, сел рядом.

— Расскажите о себе, — сказал он.

— А чего рассказывать? — ответил Сидоров. — Родился, вырос, женился, воевать пошёл.

— А дети есть?

— Дочка. Три года.

— Вернёшься — обнимай.

— Вернусь, — твёрдо сказал Сидоров. — Не помирать же тут.

— Не помирать, — согласился Филатов. — Мы будем жить. Все. Или почти все.

Он помолчал, глядя на огонь.

— Верите в Бога? — спросил он.

— А вы? — спросил другой солдат.

— Я верю в Россию. А Россия — это Бог, народ и армия. Мы — её армия. Мы — её сила.

Солдаты молчали. Кто-то перекрестился, кто-то задумался.

— А немцы? Они верят в Бога? — спросил Сидоров.

— Они верят в оружие. Но оружие без веры — железо. А железо ломается. Душа — нет.

Он встал, отряхнул гимнастёрку.

— Спать, братцы. Завтра новый день.

Он ушёл в ночь. Солдаты смотрели ему вслед.

— Святой человек, — сказал кто-то.

— Не святой, — ответил Сидоров. — Простой. Потому и сильный.

28 июня. Немцы пошли в четвёртую атаку. Филатов стоял перед строем.

— Братцы, — сказал он, — сейчас мы пойдём вперёд. Не отступать. Не сдаваться. Помните: за нами — Россия. Наши матери, жёны, дети. Мы не имеем права проиграть.

Он помолчал.

— Я пойду с вами. Первым. Если упаду — не поднимайте. Идите дальше. Победа будет за нами.

Солдаты молчали. Потом Сидоров крикнул:

— С нами Бог!

— С нами Россия! — ответили другие.

— Вперёд! — скомандовал Филатов.

Русские пошли в атаку. Немцы не ожидали. Они дрогнули, начали отступать.

Филатов бежал впереди, стреляя из автомата. Рядом упал солдат, потом другой. Но он не останавливался.

— За Россию! — кричал он.

Немцы побежали. Русские преследовали их до самого леса.

Атака удалась. Позиции были удержаны.

30 июня. Бои под Смоленском стихли. Немцы отошли, перегруппировываются. Русские подсчитывают потери: три тысячи убитых, пять тысяч раненых. Но позиции удержаны.

Филатов сидел в штабе, писал донесение Рюрику.

*«Ваше Величество. Смоленск наш. Потери велики, но дух непоколебим.

Немцы отброшены. Готовимся к новым боям. Просим подкреплений и танков

"Тень". Ваш верный слуга, полковник Филатов».*

Он запечатал конверт, отдал адъютанту.

— Отправьте срочно.

— Слушаюсь.

Филатов вышел из блиндажа. Над полем вставало солнце — яркое, тёплое, живое.

— Дожили, — прошептал он. — Ещё один день.

Он посмотрел на запад. Там, за горизонтом, ждали новые бои. Но он знал: Россия выстоит. Потому что за неё — правда.

Январь 2057 года. Морозы стояли трескучие — под сорок. Снег укрыл поля до самых брустверов окопов. Фронт замер. Ни русские, ни немцы не могли воевать в такую стужу. Солдаты грелись у костров, спали в блиндажах, мёрзли и болели. Но они жили.

Филатов находился под Смоленском. Он объезжал пози-

ции на старой «Ниве», проверял посты, говорил с солдатами. Люди были измотаны, но не сломлены. Они знали: зима — их время.

— Фёдор Александрович, — сказал ему один старый сержант, ветеран ещё азиатской кампании. — А правда, что новый танк к весне будет?

— Правда, — ответил Филатов. — Но ты никому не говори. Секрет.

— Я могила, — усмехнулся сержант. — А он какой, танк-то?

— Быстрый, — сказал Филатов. — Колёсный. Плавать умеет. И пушка — на пять километров.

— Колёсный? — сержант удивился. — Чудо какое-то.

— Чудо, которое нам победу принесёт.

Филатов пошёл дальше. Ветер выл, снег скрипел под ногами. Он думал о чертежах, которые остались в Петрограде. О итальянцах и шведах, которые должны были приехать со своим оборудованием. О том, что времени почти нет, а сделать надо много.

В блиндаже его ждал горячий чай и сеанс связи с Рюриком.

— Федя, — сказал император. — Итальянцы подтвердили. Прибудут в феврале. Шведы — тоже.

— Отлично, — ответил Филатов. — Начинаем работу немедленно.

— Ты веришь в этот проект?

— Верю, — сказал Филатов. — Как никогда.

Февраль 2057 года. В Петроград прибыли итальянские и шведские инженеры.

Они привезли чертежи подвесок, трансмиссий, систем управления огнём. Филатов встречал их на аэродроме.

— Господа, — сказал он, — добро пожаловать в Россию. Вы знаете, зачем вас позвали?

— Знаем, — ответил главный итальянец, седой инженер с усталыми глазами. — Вы хотите построить колёсный танк. Это безумие.

— Это необходимость, — ответил Филатов. — Наши дороги — грязь и снег. Гусеницы вязнут. А колёса пройдут. И выплывут там, где немцы не ждут.

Итальянцы и шведы переглянулись. Они знали репутацию Филатова. Спорить с ним было бесполезно.

— Хорошо, — сказал швед. — Покажем чертежи. А вы покажете заводы.

Они поехали на Урал, в Нижний Тагил. Там, в секретном конструкторском бюро, началась работа. Филатов сидел с инженерами сутками, правил чертежи, спорил, доказывал.

— Вот смотрите, — говорил он, тыча пальцем в ватман. — Шасси 6×6, шины сверхнизкого давления. Гидропневматическая подвеска. Клиренс — полметра. Машина не застрянет нигде.

— А пушка? — спросил швед.

— 88 миллиметров, гладкоствольная. Дальность — пять километров бронебойным, десять — осколочным. Автомат заряжания.

— Это не влезет.

— Влезет, — твёрдо сказал Филатов. — Мы сделаем башню скошенной, уменьшим объём. Компоновка — нестандартная.

— А броня?

— Комбинированная, с динамической защитой. Против кумулятивных снарядов — комплекс активной защиты. Средства РЭБ.

Итальянцы покачали головами, но согласились. Работа закипела.

Март 2057 года. Снег начал таять. Дороги снова превратились в болото. Фронт оставался неподвижным. Никто не мог наступать — ни русские, ни немцы. Это затишье давало время.

Филатов метался между фронтом и заводом. Днём — в окопах под Смоленском, проверял готовность солдат к весеннему наступлению. Ночью — на Урале, с инженерами, доводил «Тень» до ума.

— Фёдор Александрович, — сказал ему однажды главный конструктор. — Вы не человек. Вы — машина.

— Я солдат, — ответил Филатов. — Солдаты не жалуются.

К концу марта первый прототип «Тени» был готов. Филатов сам сел за рычаги и вывел его на полигон. Машина летела по грязи, переплывала реку, стреляла по мишеням.

— Неплохо, — сказал он, вылезая из люка. — Но надо доработать.

— Что именно? — спросил инженер.

— Всё, — ответил Филатов. — Двигатель слабоват. Подвеска жёсткая. Система наведения — сырая. У вас есть месяц. К маю машина должна быть готова к серии.

Он уехал на фронт, оставив инженеров работать.

Апрель 2057 года. Немцы, не дожидаясь, пока русские закончат свои приготовления, начали наступление. Их цель — Вязьма, последний рубеж перед Москвой.

У них было триста танков, пятьсот бронетранспортёров, пятьдесят тысяч солдат. У русских — сто пятьдесят старых Т-72, сорок тысяч человек, и никаких «Теней» — они ещё не прошли испытания.

Филатов был на передовой. Он понимал: если немцы проврнутся к Вязьме, дорога на Москву будет открыта.

— Держаться любой ценой, — сказал он солдатам. — Нам нужно продержаться до мая. Тогда у нас будут новые танки.

— А если не продержимся? — спросил кто-то.

— Продержимся, — ответил Филатов. — У нас нет другого выхода.

Битва под Вязьмой длилась две недели. Немцы давили, русские отступали, но не бежали. Каждый километр земли был полит кровью.

Филатов был в самой гуще. Он командовал артиллерией, организовывал контратаки, сам вставал за пулемёт.

Однажды, после особенно тяжёлого боя, он сидел у разрушенного дома, перевязывал раненую руку. К нему подошёл молодой лейтенант.

— Фёдор Александрович, — сказал он, — говорят, наши новые танки уже едут?

— Едут, — ответил Филатов. — Через две недели будут

здесь.

— А они помогут?

— Помогут, — сказал Филатов. — Я видел, на что они способны.

Он посмотрел на запад, где гремела канонада.

— А пока — держитесь.

Май 2057 года. Первые двадцать «Теней» прибыли на фронт под Вязьмой. Филатов лично встречал их на станции. Танкисты, молодые парни, прошедшие ускоренные курсы, вылезали из люков с гордостью и страхом.

— Не бойтесь, — сказал им Филатов. — Эта машина быстрее любого немецкого «Леопарда». Она плавает. Она стреляет на пять километров. Она не подведёт, если вы не подведёте её.

— А броня? — спросил один лейтенант.

— Броня — не главное, — ответил Филатов. — Главное — скорость и манёвренность. Не давайте врагу в себя попасть. Бейте первыми. Уходите. Появляйтесь там, где вас не

ждут.

Немцы снова пошли в атаку. «Леопарды» волна за волной двигались на позиции русских. Старые Т-72 вступали в бой и горели. Но «Тени» затаились на флангах.

Когда немцы втянулись в коридор, Филатов скомандовал:

— Огонь!

«Тени» выскочили из леса, как призраки. Их 88-миллиметровые пушки били на пять километров. «Леопарды» взрывались, не успев даже развернуть башни. За час боя немцы потеряли тридцать танков. Русские — четыре «Тени» и десять Т-72.

— Это победа, — сказал Филатов, глядя на поле боя.

— Это только начало, — ответил лейтенант.

Филатов сидел в блиндаже под Вязьмой, при свете коптилки, и писал дневник. За стенкой храпели солдаты — молодые парни, которых мобилизовали осенью. Они спали вповалку, прижавшись друг к другу, чтобы согреться. Мороз под тридцать пробирал даже сквозь шинели.

«Январь 2057. Война замерла, но не умерла. Немцы око-

пались в занятых городах, строят укрепления. Мы — в лесах и полях, ждём весны. Потери за прошлый год: полтора миллиона. Цифра, от которой стынет кровь. Но мы выстояли. Нас не сломали.

Рюрик прислал письмо. Пишет, что парламент успокоился, оппозицию прижали. "Система Филатовых" работает — народ верит, что император не тиран, а защитник. Это хорошо. Без веры мы бы уже проиграли.

*Мне нужны новые машины. Старые Т-72 не тянут. "Леопарды" бьют с трёх километров, наши — с двух. Мы теряем технику, потому что не можем ответить. Я думал об этом всю осень. Что делать? Заводы работают на пределе. Инженеры предлагают модернизировать старые танки — поставить новую броню, усилить пушки. Это не решит проблему, но даст нам время.

Время — то, чего нам не хватает».*

Он закрыл дневник, спрятал под нары. Закурил — табак кончился, приходилось экономить. Дым горчил, но прогонял сон.

В блиндаж вошёл лейтенант Белов — молодой командир роты, который пришёл на фронт добровольцем после университета. На его лице — шрамы от осколков, под глазами

— тени. Ему было двадцать три, но выглядел он на сорок.

— Фёдор Александрович, — сказал он, присаживаясь на ящик из-под снарядов. — Разведка донесла. Немцы подтягивают резервы к Вязьме. Говорят, к весне готовят большое наступление.

— Знаю, — ответил Филатов. — У них новая техника. «Леопарды-3» с усиленной бронёй. И самоходки, которые бьют на семь километров.

— А у нас что? — спросил лейтенант.

— А у нас — старые Т-72, которые горят как спички. И люди, которые готовы умирать.

— И это всё?

— Всё, — сказал Филатов. — Но мы не сдадимся. У нас есть преимущество — зима. Немцы не выдерживают морозов. Мы должны продержаться до весны, а там — может, подвезут что-то новое.

— А если не подвезут?

— Тогда будем воевать тем, что есть.

Белов помолчал. Потом спросил:

— А правда, что вы модернизацию старых танков задумали?

— Правда, — ответил Филатов. — Но это потребует времени. Нужны заводы, станки, инженеры. Пока — только планы.

— Времени у нас нет, — вздохнул Белов.

— Будет, — ответил Филатов. — Мы выиграем время. Зимой немцы не наступают — боятся морозов. А весной... весной посмотрим.

Он потушил окурок, встал.

— Завтра еду в Петроград. Буду выбивать ресурсы для модернизации. А вы держитесь. Окопы углубляйте, мины ставьте. Чтобы, когда они придут, пожалели.

— Слушаюсь, — сказал Белов и вышел.

Филатов остался один. Он подумал о Рюрике, о том, как тяжело тому сейчас. Молодой император, взваливший на плечи войну, реформы, парламентские дразги. Не каждому

такое под силу. Но Рюрик держался. Как и его отец когда-то.

«Держись, Князь, — мысленно сказал он. — Мы прорвёмся».

Рюрик сидел в кабинете, просматривая сводки с фронтов. Потери, потери, потери. Цифры плыли перед глазами. За пять месяцев войны — почти два миллиона убитых, раненых, пропавших без вести. Армия держалась на честном слове и героизме простых солдат.

В дверь постучали. Вошёл Кремень.

— Ваше Величество, Филатов прибыл. Ждёт в приёмной.

— Зови.

Филатов вошёл, скинул промёрзшую шинель. На нём была старая кадетская куртка, на левой руке — ремень. Он сел напротив Рюрика, положил на стол потрёпанный блокнот.

— Федя, как фронт? — спросил Рюрик.

— Держимся. Но техника гибнет. У нас осталось меньше трёхсот Т-72 на всё западное направление. Немцы — больше тысячи «Леопардов». Если так пойдёт дальше, к лету у нас

не будет чем воевать.

— Что предлагаешь?

— Модернизировать старые танки. Усилить броню, поставить новые пушки. Не на все, но хотя бы на часть. Это даст нам время.

— А новые танки? — спросил Рюрик. — Говорят, инженеры предлагают что-то более современное.

— Говорят, — кивнул Филатов. — Но это требует времени. А у нас его нет. Нужно делать то, что можно сделать быстро.

— Сколько нужно денег?

— Много. Но меньше, чем проиграть войну.

Рюрик задумался. Потом кивнул.

— Делай. Я дам распоряжение заводам. И японцам заплатим ресурсами.

— Спасибо, Князь.

— Не благодари. Лучше выиграй нам время.

Филатов встал, надел шинель.

— И ещё, — сказал Рюрик. — Парламент требует отчёта. Хотят знать, куда идут деньги.

— Пошли им отчёт, — ответил Филатов. — И скажи, что если они будут мешать, мы распустим их до конца войны.

— Скажу.

Филатов вышел. Рюрик остался один. Он смотрел на карту, где красными стрелами были отмечены немецкие удары. Война затягивалась. И он не знал, чем это кончится.

Февраль выдался лютым. Мороз под сорок сковал реки, остановил поезда, заставил солдат жечь костры прямо в окопах. Немцы, не привыкшие к такому холоду, несли потери от обморожений. Русские — тоже, но они знали, что делать: растираться снегом, менять портянки, не спать на голой земле.

Филатов вернулся на фронт, под Вязьму. Он объезжал позиции, проверял готовность к весне. Солдаты копали противотанковые рвы, устанавливали минные поля, строили блин-

дажи.

— Фёдор Александрович, — окликнул его Белов. — Вас к телефону. Император.

Филатов зашёл в блиндаж, взял трубку.

— Слушаю, Князь.

— Федя, заводы получили распоряжение. Начинают модернизацию танков. Первые тридцать машин будут готовы к апрелю.

— Спасибо, Князь.

— Это всё, что мы можем сделать быстро. На большее нет ни денег, ни времени.

— Понимаю. Мы выкрутимся. — Держись там.

Филатов положил трубку. Вышел на мороз. Небо было чистым, звёздным. Гдето за лесом слышался гул — немцы прогревали двигатели.

— Скоро начнётся, — сказал он подошедшему Белову.

— Весной?

— Да. И мы должны быть готовы.

Он посмотрел на восток, туда, где за горизонтом находились заводы Урала. Там уже работали над модернизацией. Старые танки получали вторую жизнь.

— Вы верите, что мы победим? — спросил Белов.

— Верю, — ответил Филатов. — Потому что у нас нет выбора.

Утро было серым, мокрым, и дождь, мелкий, противный, как назойливая муха, которую никак не прихлопнешь, моросил уже третьи сутки, и казалось, что не только небо, но и сама земля плачет, плачет над теми, кто остался лежать в грязи, над теми, кто не дожил до весны, над теми, кто, может быть, доживёт, но уже никогда не будет прежним.

Филатов сидел на бревне — не на сухом, на мокром, склизком, покрытом какой-то зеленью, похожей на плесень, — и смотрел на деревню. Деревня была маленькой, в десяток домов, и все они стояли целыми — чудо, не бомбили, не жгли, только крыши кое-где прохудились, да заборы покосились. Из труб шёл дым — значит, люди живы, значит,

топят печи, значит, варят похлёбку из крапивы и прошлогодней картошки, если она сохранилась.

— Фёдор Александрович, — раздался голос Белова, и Филатов, не оборачиваясь, понял, что лейтенант пришёл не с пустыми руками — запах хлеба, настоящего, ржаного, ещё тёплого, ударил в нос, и слюна набежала сама собой, хотя он старался не думать о еде. — Бабушка там, в крайней избе, угостила. Сказала, что печёт для своих, но и нам даст, если мы немцев прогоним.

— А мы прогоним, — ответил Филатов, беря краюху и отламывая половину — вторую протянул обратно Белову, тот хотел отказаться, но Филатов нахмурился, и лейтенант взял, потому что спорить с Филатовым было себе дороже. — Ты иди, скажи бабушке спасибо. И спроси, не нужна ли помощь. Дрова там, вода. Может, крышу починить.

— А мы успеем? — спросил Белов. — Немцы же скоро пойдут.

— Успеем, — сказал Филатов, и голос его был твёрдым, как старый ремень, который не рвётся, даже если его тянуть в разные стороны. — Потому что если мы не поможем, то кто поможет? Мы же не звери. Мы — люди. Русские люди. А русские люди всегда помогали, даже когда самим было пло-

хо.

Он откусил хлеб — тёплый, мягкий, с хрустящей корочкой, пахнувший печью и рожью, и подумал: «Вот она, правда. Не в танках, не в пушках, не в самолётах. Правда — в этом хлебе. В том, что бабушка делится с солдатами, а солдаты — с бабушкой. В том, что мы не враги друг другу. А немцы — враги. Потому что они пришли с танками, а не с хлебом».

Он доел, поднялся, отряхнул шинель — грязь не отряхивалась, только размазывалась, — и пошёл в деревню. Сапоги вязли, хлюпали, чавкали, но он шёл, и мысли его были тяжёлыми, как та грязь, в которой он утопал.

Бабушка — высокая, худая, с клюкой и в платке, завязанном на узел, — встретила его на пороге.

— Спасибо, — сказал Филатов, кланяясь — не по-военному, по-русски, в пояс. — За хлеб.

— А вы немцев-то прогоните? — спросила бабушка, и в глазах её была не надежда — нет, надежда ушла ещё в сорок первом, когда она была девчонкой, и война была другой, и немцы были другими, но и теми, и этими — фашистами, потому что, как их ни называй, они всё равно жгут и убивают.

— Прогоним, — ответил Филатов. — Обязательно прогоним. А вы держитесь. Дрова есть?

— Есть, — вздохнула бабушка. — Да только пилить некому. Сын на фронте, муж умер ещё в ту войну, а я старая, сил нет.

Филатов повернулся к Белову:

— Давай двоих солдат. Пусть наколют дров бабушке. И крышу проверьте. И воды принесите.

— Есть, — кивнул Белов и побежал.

Бабушка смотрела на Филатова и не верила своим глазам.

— Вы что же, за спасибо работаете? — спросила она.

— За спасибо, — ответил Филатов. — И за то, чтобы вы знали: русские не бросают своих. А вы — свои. Вы — Россия. А Россия — наша мать. Мы все её дети.

Он перекрестился, поклонился ещё раз и пошёл дальше, к окопам, к солдатам, к войне, которая ждала не за горами, а за этой деревней, за этим лесом, за этим серым, плачущим небом.

И думал он: «Вот она, наша сила. Не в танках. В людях. В том, что бабушка печёт хлеб, а солдаты рубят дрова. В том, что мы — свои. А они — чужие. И они никогда не станут своими, потому что не умеют любить, не умеют жертвовать, не умеют прощать. Они умеют только брать. А мы умеем отдавать».

Он зашёл в блиндаж, сел на нары, достал дневник. Руки дрожали — не от холода, от усталости, от того, что он уже не помнил, когда спал нормально, когда ел досыта, когда не думал о смерти.

Он открыл дневник, обмакнул перо в чернильницу — чернила замерзали, но он подышал на них, и они оттаяли, — и написал:

«Март 2057. Деревня. Бабушка. Хлеб. Это — жизнь. Это — то, ради чего мы воюем. Не за идеи, не за территории, не за ресурсы. За хлеб. За то, чтобы бабушки пекли его, а солдаты ели. И за то, чтобы никто не смел отнять этот хлеб».

Он закрыл дневник, спрятал под подушку, лёг и закрыл глаза. И сквозь сон услышал, как солдаты поют — тихо, негромко, чтобы немцы не услышали, но так, что душа разворачивалась.

— «Вставай, страна огромная...» — пели они.

И Филатов подумал: «Мы победим. Потому что мы — добрые. Потому что мы — свои. Потому что мы — Россия».

Утро было серым, мокрым, и дождь, мелкий, противный, как назойливая муха, которую никак не прихлопнешь, моросил уже третьи сутки, и казалось, что не только небо, но и сама земля плачет, плачет над теми, кто остался лежать в грязи, над теми, кто не дожил до весны, над теми, кто, может быть, доживёт, но уже никогда не будет прежним.

Филатов сидел на бревне — не на сухом, на мокром, склизком, покрытом какой-то зеленью, похожей на плесень, — и смотрел на деревню. Деревня была маленькой, в десятков домов, и все они стояли целыми — чудо, не бомбили, не жгли, только крыши кое-где прохудились, да заборы покосились. Из труб шёл дым — значит, люди живы, значит, топят печи, значит, варят похлёбку из крапивы и прошлогодней картошки, если она сохранилась.

— Фёдор Александрович, — раздался голос Белова, и Филатов, не оборачиваясь, понял, что лейтенант пришёл не с пустыми руками — запах хлеба, настоящего, ржаного, ещё тёплого, ударил в нос, и слюна набежала сама собой, хотя он

старался не думать о еде. — Бабушка там, в крайней избе, угостила. Сказала, что печёт для своих, но и нам даст, если мы немцев прогоним.

— А мы прогоним, — ответил Филатов, беря краюху и отламывая половину — вторую протянул обратно Белову, тот хотел отказаться, но Филатов нахмурился, и лейтенант взял, потому что спорить с Филатовым было себе дороже. — Ты иди, скажи бабушке спасибо. И спроси, не нужна ли помощь. Дрова там, вода. Может, крышу починить.

— А мы успеем? — спросил Белов. — Немцы же скоро пойдут.

— Успеем, — сказал Филатов, и голос его был твёрдым, как старый ремень, который не рвётся, даже если его тянуть в разные стороны. — Потому что если мы не поможем, то кто поможет? Мы же не звери. Мы — люди. Русские люди. А русские люди всегда помогали, даже когда самим было плохо.

Он откусил хлеб — тёплый, мягкий, с хрустящей корочкой, пахнувший печью и рожью, и подумал: «Вот она, правда. Не в танках, не в пушках, не в самолётах. Правда — в этом хлебе. В том, что бабушка делится с солдатами, а солдаты — с бабушкой. В том, что мы не враги друг другу. А немцы —

враги. Потому что они пришли с танками, а не с хлебом».

Он доел, поднялся, отряхнул шинель — грязь не отряхивалась, только размазывалась, — и пошёл в деревню. Сапоги вязли, хлюпали, чавкали, но он шёл, и мысли его были тяжёлыми, как та грязь, в которой он утопал.

Бабушка — высокая, худая, с клюкой и в платке, завязанном на узел, — встретила его на пороге.

— Спасибо, — сказал Филатов, кланяясь — не по-военному, по-русски, в пояс. — За хлеб.

— А вы немцев-то прогоните? — спросила бабушка, и в глазах её была не надежда — нет, надежда ушла ещё в сорок первом, когда она была девчонкой, и война была другой, и немцы были другими, но и теми, и этими — фашистами, потому что, как их ни называй, они всё равно жгут и убивают.

— Прогоним, — ответил Филатов. — Обязательно прогоним. А вы держитесь. Дрова есть?

— Есть, — вздохнула бабушка. — Да только пилить некому. Сын на фронте, муж умер ещё в ту войну, а я старая, сил нет.

Филатов повернулся к Белову:

— Давай двоих солдат. Пусть наколют дров бабушке. И крышу проверьте. И воды принесите.

— Есть, — кивнул Белов и побежал.

Бабушка смотрела на Филатова и не верила своим глазам.

— Вы что же, за спасибо работаете? — спросила она.

— За спасибо, — ответил Филатов. — И за то, чтобы вы знали: русские не бросают своих. А вы — свои. Вы — Россия. А Россия — наша мать. Мы все её дети.

Он перекрестился, поклонился ещё раз и пошёл дальше, к окопам, к солдатам, к войне, которая ждала не за горами, а за этой деревней, за этим лесом, за этим серым, плачущим небом.

И думал он: «Вот она, наша сила. Не в танках. В людях. В том, что бабушка печёт хлеб, а солдаты рубят дрова. В том, что мы — свои. А они — чужие. И они никогда не станут своими, потому что не умеют любить, не умеют жертвовать, не умеют прощать. Они умеют только брать. А мы умеем отдавать».

Он зашёл в блиндаж, сел на нары, достал дневник. Руки дрожали — не от холода, от усталости, от того, что он уже не помнил, когда спал нормально, когда ел досыта, когда не думал о смерти.

Он открыл дневник, обмакнул перо в чернильницу — чернила замерзали, но он подышал на них, и они оттаяли, — и написал:

*«Март 2057. Деревня. Бабушка. Хлеб. Это — жизнь. Это — то, ради чего мы воюем. Не за идеи, не за территории, не за ресурсы. За хлеб. За то, чтобы бабушки пекли его, а солдаты ели. И за то, чтобы никто не смел отнять этот хлеб».

*

Он закрыл дневник, спрятал под подушку, лёг и закрыл глаза. И сквозь сон услышал, как солдаты поют — тихо, негромко, чтобы немцы не услышали, но так, что душа разворачивалась.

— «Вставай, страна огромная...» — пели они.

И Филатов подумал: «Мы победим. Потому что мы — хорошие. Потому что мы — свои. Потому что мы — Россия».

После деревни, где бабушка угостила хлебом, Филатов шёл к своим позициям медленно, словно нехотя, но на самом деле просто ноги не слушались — грязь засасывала, выхлёбывала силы, и каждый шаг был как маленькая смерть, после которой нужно родиться заново, чтобы сделать следующий.

Он думал о бабушке, о её сыне на фронте, о муже, который умер в ту войну, о той войне, которую он, Филатов, помнил ещё мальчишкой, когда немцы назывались фашистами, а теперь называются партнёрами, союзниками, братьями по европейской семье, но пришли с теми же танками, с теми же пушками, с той же ненавистью, только вывески поменяли.

— Всё одно, — прошептал он, сплёвывая вязкую слюну. — Собака кусает не потому, что она злая, а потому что она собака. А немецкая собака всегда кусала русских, сколько себя помню.

Он вышел на опушку леса, где стояли их танки — старые, обшарпанные, с наспех наваренными листами брони, с пушками, которые могли стрелять только на два километра, и то если повезёт, и не разорвёт ствол. Механики копошились вокруг, матерились, стучали кувалдами, пытались выжать из этих железных гробов хоть что-то.

— Фёдор Александрович, — окликнул его старшина, по-

жилой мужик с седыми усами, в промасленной телогрейке, — там немцы пленного взяли вчера. Молодого совсем, лет восемнадцати. Наши разведчики отбили. Сидит в землянке, трясётся.

— Пойду посмотрю, — сказал Филатов.

Он спустился в землянку — низкую, сырую, пахнущую потом, махоркой и страхом. Немец сидел в углу на нарах, поджав колени к подбородку, и трясся мелкой дрожью, как осиновый лист. На вид — пацан, совсем пацан, в очках, с прыщавым лицом, в грязной форме, без каски. Увидев Филатова, он зажмурился, зашептал что-то, похожее на молитву.

— Ты по-русски понимаешь? — спросил Филатов, садясь напротив.

— Немного, — ответил пленный, и акцент был такой сильный, что слова приходилось вылавливать, как рыбу из мутной воды.

— Как тебя зовут?

— Фриц. То есть Фридрих.

— Сколько лет?

— Восемнадцать.

— Воевать хочется?

Немец молчал, потом заплакал — тихо, скупно, по-детски, утирая слёзы грязным рукавом.

— Мама, — прошептал он. — Я хочу к маме.

Филатов смотрел на него, и в груди у него что-то сжалось — не жалость, нет, жалость он убил в себе ещё в первую войну, когда хоронил друзей, а что-то другое, похожее на усталость от того, что война не кончается, что молодые умирают, а старые не могут их защитить.

— Ты знаешь, зачем ты здесь? — спросил он.

— Грайндхарт сказал, что русские — звери, — ответил Фриц, всё ещё всхлипывая. — Сказал, что вы не щадите никого. Что вы убиваете детей и стариков.

— А теперь ты видишь, что мы звери? — спросил Филатов.

Фриц посмотрел на него, на простую полевую куртку, на

ремень на левой руке, на спокойное, усталое лицо.

— Нет, — сказал он. — Вы — люди.

— Люди, — кивнул Филатов. — А Грайндхарт — зверь. Он послал тебя умирать за свои деньги. За свои заводы. За свою власть. А ты — просто дурак, который поверил.

Он встал, подошёл к выходу.

— Отпустите его, — сказал он часовому.

— Фёдор Александрович! — тот удивился. — Он же пленный! Язык!

— Язык, — согласился Филатов. — Но он уже сказал всё, что мог. Отпустите. Пусть идёт и расскажет своим, что русские не убивают детей. Что мы не звери. Что мы — свои. А свои не бросают своих, даже если те по глупости надели чужую форму.

Немец не верил своим ушам. Он стоял, трясась, и ждал подвоха.

— Иди, — сказал Филатов. — И не возвращайся. Если увижу ещё раз — убью. Не потому что злой, а потому что

солдат. А солдат убивает врагов, а не мальчишек.

Фриц выбежал из землянки, споткнулся, упал, поднялся и побежал на запад, в туман, в грязь, в неизвестность.

Солдаты смотрели вслед и качали головами.

— Товарищ полковник, правильное дело сделали? — спросил старшина.

— Правильное, — ответил Филатов. — Потому что если мы озвереем, то чем мы лучше их? А мы — лучше. Мы — русские. Русские не убивают безоружных. Русские помогают слабым. Русские защищают, а не нападают.

Он посмотрел в сторону запада, где за грязью и туманом стоял враг, и подумал: «Пусть знают. Пусть боятся не нашей жестокости — пусть боятся нашей доброты. Потому что доброта, которая умеет защищать, страшнее любой злобы».

Он зашёл в блиндаж, сел писать дневник. Но руки не слушались — устали, затекли.

— Завтра, — сказал он себе. — Завтра напишу.

Он лёг на нары, закрыл глаза, и сквозь сон услышал, как

солдаты говорят: «Филатов немца отпустил. Мол, пусть бежит. Мы — свои. А свои не бросают своих». И кто-то добавил: «Эх, жалко. Языка увели бы. Но полковнику виднее». И другой ответил: «Он всегда знает, что делает. Он — Филатов».

И тепло разлилось в груди — не от водки, не от костра, а от того, что эти парни верят ему, что они — его семья, а он — их отец, и что никто и никогда не сможет отнять у него это право — быть отцом для тех, кто идёт в бой, умирает, побеждает и возвращается домой — или не возвращается.

Утро следующего дня началось с того, что Филатов не проснулся — его разбудили. Белов тряс за плечо, и голос у лейтенанта был встревоженный, как перед боем, когда ещё никто не погиб, но уже все знают, что погибнут, и только неизвестность с кем именно держит людей на грани.

— Фёдор Александрович, вставайте. Немцы на том конце деревни. Не стреляют, не идут, стоят. Выдвинули белый флаг. Хотят говорить.

— Чего? — Филатов сел на нарах, потёр лицо ладонями.
— Какие переговоры? Война идёт.

— Не знаю. Но они стоят. Ждут.

Филатов натянул сапоги, накинул шинель. Проверил ремень на левой руке — на месте. Потрогал кобуру — пистолет внутри. Вышел из блиндажа.

Утро было серым, туманным, и деревня, та самая, где бабушка угощала хлебом, тонула в молочной пелене. На въезде, привалившись к покосившемуся забору, стояли трое в немецкой форме. Без оружия, с белой тряпкой на палке, которую держал старший — высокий, худой, с лицом, похожим на выцветшую фотографию деда, который пережил две войны и теперь не знает, зачем ему третья.

— Кто вы? — спросил Филатов, подходя ближе. Солдаты за его спиной сжимали автоматы.

— Обер-лейтенант Фогель, — представился высокий. — Я командую ротой, которая стоит в лесу за деревней. Мы не хотим воевать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.